

нается христіанское исповѣданіе отъ языческаго, что оно требуетъ отъ человѣка не извѣстныхъ вѣншихъ отрицательныхъ дѣйствій, а ставить его въ иное, чѣмъ прежде, отношеніе къ людямъ, изъ котораго могутъ вытекать самыя разнообразныя, не могущія быть впередъ опредѣленными поступки, и потому христіанинъ не можетъ общаться не только исполнѣн чью либо другую волю, не зная, въ чѣмъ будутъ состоять требованія этой воли, не можетъ повиноваться изменяющимся законамъ человѣческимъ, но не можетъ и общаться что либо опредѣленное дѣлать въ извѣстное время или отъ чего либо въ извѣстное время воздержаться, потому что онъ не можетъ знать, чего и въ какое время потребуетъ отъ него тотъ христіанскій законъ любви, подчиненіе которому составляетъ смыслъ его жизни. Христіанинъ, общаясь впередъ безусловно исполнять законы людей, этимъ общаніемъ заявилъ бы то, что внутренній законъ Божій не составляетъ уже для него единственный законъ его жизни.

Христіанину общаться въ повиновеніи людямъ или законамъ людскимъ все равно, что нанявшемуся къ хозяину работнику общаться вмѣстѣ съ тѣмъ, исполнять все то, что ему прикажутъ еще и чужіе люди. Нельзя служить двумъ господамъ.

Христіанинъ освобождается отъ человѣческой власти тѣмъ, что признаетъ надъ собой одну власть Бога, законъ которой, открытый ему Христомъ, онъ сознаетъ въ самомъ себѣ, и подчиняется только ей.

И освобожденіе это совершается не посредствомъ борьбы, не разрушеніемъ существующихъ формъ жизни, а только измененіемъ пониманія жизни. Освобожденіе происходитъ вслѣдствіе того, что во первыхъ, христіанинъ признаетъ законъ любви, открытый ему его учителемъ, совершенно достаточнымъ для отношеній людскихъ и потому считаетъ всякое насиліе излишнимъ и незаконнымъ, и, во вторыхъ, вслѣдствіе того, что тѣ лишенія, страданія, угрозы страданій и лишеній, которыми общественный человѣкъ приводится къ необходимости повиновенія, для христіанина, при его иномъ пониманіи жизни, представляются только неизбежными условіями существованія, которыя онъ, не боясь противъ нихъ насиліемъ, терпѣливо переноситъ, какъ болѣзнь, голодъ и всякія другія бѣдствія, но которыя никакъ не могутъ служить руководствомъ его поступковъ. Руководствомъ поступковъ христіанина служитъ только живущее въ немъ божественное начало, ничѣмъ не могущее быть стѣсненнымъ или направленнымъ.

Христіанинъ поступаетъ по слову пророчества, приложеннаго къ его учителю: «не воспрекословитъ, не возопіетъ и никто не слышитъ на улицахъ голоса его. Трости

надломленной не переломятъ и лыня курящася не угаситъ доколѣ не достать къ суду побѣды». (Мф. XII, 19-20).

Христіанинъ ни съ кѣмъ не споритъ, ни на кого не нападаетъ, ни противъ кого не употребляетъ насилія; напротивъ того, самъ безпрекословно переноситъ насиліе; но этимъ самымъ отношеніемъ къ насилію не только самъ освобождается, но и освобождаетъ міръ отъ всякой вѣншей власти.

«Познаете истину и истина сбѣлаетъ васъ свободными. (Іоан. VIII, 32). Если бы было сомнѣніе въ томъ, что христіанство есть истина, то та полная свобода, ничѣмъ не могущая быть стѣсненной, которую испытываетъ человѣкъ, какъ скоро онъ усвоиваетъ христіанское жизнепониманіе, была бы несомнѣннымъ доказательствомъ его истинности.

Люди въ теперешнемъ своемъ состояніи подобны отроившимся пчеламъ, висящимъ кучею на вѣткѣ. Положеніе пчелъ на вѣткѣ временное и неизбѣжно должно быть изменено. Онѣ должны подняться и найти себѣ новое жилище. Каждая изъ пчелъ знаетъ это и желаетъ перемѣнить свое положеніе и положеніе другихъ, но нѣ одна не можетъ этого сдѣлать до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаютъ этого остальные. Всѣ же не могутъ вдругъ подняться потому, что одна виситъ на другой и мѣшаетъ ей отдѣлаться отъ роя, и потому всѣ продолжаютъ висѣть. Казалось бы, пчеламъ нѣтъ изъ этого положенія никакого выхода, какъ это кажется людямъ мірскимъ, запутавшимся въ тенета общественнаго міросозерцанія. Но выхода не было бы пчеламъ, если бы каждая пчелъ не была отдѣльно живущимъ существомъ, одареннымъ крыльями. Не было бы выхода и людямъ, если бы каждый пчелъ нихъ не былъ живымъ отдѣльнымъ существомъ, одареннымъ способностью усвоенія христіанскаго жизнепониманія.

Если бы каждая пчела, та, которая можетъ летѣть, не полетѣла бы, никогда не тронулись бы и остальные и никогда рой не изменилъ бы своего положенія. И если бы тотъ человѣкъ, который усвоилъ христіанское жизнепониманіе, не сталъ бы, не дожидаясь другихъ, жить сообразно съ этимъ пониманіемъ, никогда бы человечество не изменило своего положенія. И какъ стоитъ одной пчелѣ раскрыть крылья, подняться и полетѣть и за ней другой, третьей, десятой, сотой, для того, чтобы висѣвшая неподвижно кучка стала бы свободно летящимъ роемъ пчелъ, такъ точно стоитъ только одному человѣку понять жизнь такъ, какъ учитъ его понимать ее христіанство, и начать жить такъ, и за нимъ сдѣлать то же другому, третьему, сотому для того, чтобы разрушился тотъ заколдованный кругъ общественной жизни, изъ котораго, казалось, не было выхода.